

УДК 94(47)(654)

ББК ТЗ(2)5+ТЗ(2)6

ГСНТИ
03.23.21

Код ВАК 07.00.02

К.И. Зубков

Екатеринбург

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ НОВОГО И
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история, Россия, геополитика, геополитическая «революция», периодизация.

АННОТАЦИЯ: В статье обосновывается возможность применения геополитического фактора (в виде концепта геополитической «революции») в качестве критерия периодизации истории России Нового и новейшего времени. Предложенная схема периодизации рассматривает периоды возрастания геополитического могущества России в тесной связи с внутренними процессами развития государства, достаточно точно фиксируя фазы его подъема и упадка.

K.I. Zubkov

Yekaterinburg

**GEOPOLITICAL FOUNDATIONS FOR THE
PERIODIZATION OF RUSSIA'S MODERN HISTORY**

KEY WORDS: history, Russia, geopolitics, geopolitical “revolution”, periodization.

ABSTRACT: The paper substantiates the possibility of adopting the geopolitical factor (in the form of the concept of geopolitical “revolution”) as a criterion for the periodization of Russia’s modern history. The proposed scheme of periodization considers the periods of the growth of Russia’s geopolitical mightiness in close connection with the internal processes of state development, while precisely fixing the phases of its raising and decline

Проблема периодизации относится к числу важнейших при разработке концепции преподавания истории и, разумеется, при написании каждого учебника истории. Периодизация позволяет структурировать историческое время, чтобы выявлять смысл производимых им изменений, лучше понимать значение тех или иных событий и процессов в историческом развитии. Отражая диалектику непрерывности и дискретности, изменений и относительного

постоянства, периодизация предполагает расчленение исторического процесса на такие периоды, которые обретают смысл, позволяя «выявлять относительно взаимосвязанные ансамбли» исторических факторов, отличающиеся постоянством их связей и конфигураций (2. С. 117–118). Фиксируя нарушения преемственности исторического развития, периодизация предполагает выделение периодов на основе фиксации моментов качественного преобразования общественной системы, заметно меняющего ориентиры и механизмы исторического развития.

Наиболее сложный вопрос – выделение критериев периодизации, которые должны носить, по возможности, единообразный – от периода к периоду – и комплексный, т.е. охватывающий все стороны развития общественной системы, характер. Далеко не всегда на эту роль может претендовать социально-экономический критерий – даже если мы принимаем постулат формационной теории о решающей роли социально-экономического фактора в развитии общества. В мировой истории классических – с марксистской точки зрения – обществ, переживших революционный переход от одной социально-экономической системы к другой, было гораздо меньше, чем обществ, в которых изменения социально-экономических форм носили плавный, растянутый во времени характер, сопровождавшийся длительным существованием многоукладной структуры экономики. Еще больше сомнений вызывает выдвижение на роль критерия периодизации эволюционной смены господствующих идей, или культурно-идеологического фактора, поскольку последний, хотя и отражает процессы, происходящие в глубинах общественного организма, развивается достаточно автономно, находясь под сильным влиянием филиации идей.

Существует гораздо больше оснований принять за критерий периодизации изменения политического характера, понимая, однако, под политикой не узкую систему властных отношений, но – как в аристотелевской традиции – всеобщую организационную и регулятивно-контрольную сферу общества, основополагающую по отношению ко всем другим сферам: экономической, властно-политической, идеологической, правовой, культурной, религиозной и т.п. Одной из модальностей политики, понимаемой в таком расширительном смысле, является геополитика, раскрывающая связь

общественной системы во всех ее проявлениях с природно-географическими условиями ее развития и помогающая за счет апелляции к географическому фактору преодолеть абстрагирующий социологизм многих общественных теорий, подобных формационной. Геополитику в ее ретроспективном развертывании нельзя, однако, в полном объеме отождествлять с историко-географическим подходом, который лишь «конкретизирует наши представления о пространственной стороне исторического процесса..., изучает географию исторического прошлого человечества» (1. С. 3), т.е. фиксирует – преимущественно на описательном уровне – все многообразие географических условий исторического процесса – климатических, ландшафтных, ресурсных, расселенческих и т.п. Геополитика же в равной мере связана как со свойствами природно-географической среды, так и с их специфическим отражением в сознании участников исторического процесса. Из всего комплекса географических условий геополитическое мышление вычленяет те элементы природно-географической среды, которые приобретают определяющее значение для безопасности и устойчивого развития организованного в государство общества. В процессе своеобразного исторического «отбора» эти элементы и их конфигурации выявляют свою стратегическую роль в качестве опорных структур всей социальной, экономической и политической конструкции государства, определяя тем самым в решающих моментах и структуры исторического действия. Такие критические важные – опорные и стабилизирующие – для существования государства конstellации географических элементов принято обозначать как геополитический *паттерн*, а динамический их аспект, связанный со стремлением к экспансии в определенных направлениях и «достройке» устойчивого паттерна, – как геополитический *градиент*.

Исходя из интегрального влияния геополитики на все стороны исторической жизни общества, представляется возможным положить геополитический фактор в основу периодизации истории России – по крайней мере, начиная с XVI в. как начала формирования централизованного государства имперского типа. Предлагаемая концепция исходит из того, что, начиная с XVI в., процесс территориального расширения России подчинялся логике формирования устойчивой геополитической структуры Российского государства, которая стабилизировалась «внешними»

геополитическими контрфорсами – выходами к морям (в первую очередь на Балтику и в Черное море) – и другими «естественными рубежами». Этот взгляд хорошо согласуется с «чрезматериковой» моделью геополитической устойчивости, изложенной в учении В.П. Семенова-Тян-Шанского о «могущественном территориальном владении» (3. С. 162, 176, 189). Каждое крупное историческое расширение Российского государства, следовавшее логике формирования «чрезматериковой» структуры государства, можно уподобить своеобразной революции. Возможность рассматривать геополитические сдвиги в таком контексте определяется тем, что последние не сводились только к приращению территории государства, но качественно трансформировали геополитическую структуру государства, влияя на все стороны его исторической жизни – например, открывая новые торговые пути и богатые ресурсные ареалы, вызывая новые миграционные потоки, обеспечивая естественные защитные барьеры как прикрытие для развития мирной хозяйственной жизни. Все это в совокупности приводило к реструктуризации производственно-экономического и социально-демографического потенциала, изменениям политической системы страны, ее культурных ориентиров.

Первая (и не во всем удавшаяся) масштабная геополитическая «революция» относится к царствованию Ивана IV Грозного (1533–1584). Геополитический переворот в данном случае выразился в попытке разворота сдвинутой далеко на северо-восток широтной «оборонительной» конфигурации Русского государства в меридиональном направлении – вдоль течения Волги. Неудачная Ливонская война не позволила России закрепиться на Балтике, но произошло значительное усиление позиций России на «резервных» позициях – на Белом море (установление прямых торговых связей с Европой, основание Архангельска) и на Каспии (завоевание Казани и Астрахани и расширение восточной торговли через устье Волги). «Ось», соединяющую эти морские бассейны, можно рассматривать как новую опорную структуру государства. Самое существенное в этой «геополитической революции» (как и в последующих) заключалось в комплексном эффекте изменения общей геополитической конфигурации государственной территории, переориентации векторов развития экономики, политики, торговли, миграционной активности. Завоевание Сибири и экспорт русской пушнины позволили

сформировать стратегический ресурсный тыл России и компенсировать отсутствие у нее торговых выходов в Балтику и Черное море, усиливая тем самым положение России в системе европейских торговых и дипломатических отношений.

Вторую геополитическую «революцию» можно привязать к XVIII в. – к череде правлений от Петра I до Екатерины II. Победоносная Северная война (1700–1721) стабилизировала позиции России на Балтике, а неудача в завоевании выхода к Черному морю (Прутский поход 1711 г.) была компенсирована временным укреплением на восточном Кавказе и южном побережье Каспия (Персидский поход 1722–1723 гг.). В правление Екатерины II серия победоносных русско-турецких войн (1768–1774, 1787–1791) позволила России овладеть Северным Причерноморьем (включая устье Дуная) и Крымом, довершая формирование инициированной Петром Великим устойчивой геополитической структуры от Балтики до Черного моря. Это в целом усиливало позиции России на европейском направлении, обеспечило транзитную роль страны в системе отношений между Западом и Востоком, стимулировало рост торговли и экономики на территориях, образующих западный фланг России.

Третья геополитическая «революция», во многом инициированная поражением России в Крымской войне 1853–1856 гг. и непосредственно предшествовавшая Великим реформам 1860-х – 1870-х гг., заключалась в укреплении стратегических позиций России на третьем стабилизирующем «чрезматериковую» структурном плацдарме – на Тихом океане (овладение течением Амура, основание Владивостока). Завершением третьей «революции» можно считать выход к «естественным границам» на юго-востоке – в Средней Азии – в 1860-х – 1880-х гг. Российская граница стабилизировалась по линии высокогорных систем Азии (Копетдаг, Тянь-Шань, Памир, Алтай). Эта геополитическая «революция» уже во многом мотивировалась потребностями развития русской промышленности, формирования внутрироссийского рынка. Завершением этого периода можно считать геополитический и общесистемный кризис, геополитически проявившийся в фундаментальной неудаче России продвинуться к завоеванию свободных выходов к «теплым морям» – Желтому морю (1905 г.) и Черноморским проливам (1914–1917 гг.).

Четвертая геополитическая «революция», начавшись с частичного, но в целом успешного восстановления структуры распавшейся Российской империи большевиками в ее прежних границах (за исключением вновь образовавшихся под опекой Антанты государств-лимитрофов на западе), достигает своей кульминации в расширении позиций СССР в конце 1930-х – 1940-х гг. по всем трем азимутам, критически важным для геополитической структуры страны и всегда служившим индикаторами подъема или упадка Российского государства, – на Балтике (советско-финская война 1939–1940 гг., присоединение Прибалтики в 1940 г., приобретение Восточной Пруссии в 1945 г.), на Черном море (присоединение Бессарабии в 1940 г., попытка закрепления в зоне Черноморских проливов во второй половине 1940-х гг.) и на Тихом океане (возвращение Южного Сахалина и Курильских островов в 1945 г.). Все эти изменения в геополитической позиции страны явились внешним выражением и следствием внутреннего укрепления страны, роста ее военно-экономического могущества.

Признаки *пятой* геополитической «революции», проходящей под знаком восстановления геополитических позиций России после крушения СССР в 1991 г., можно наблюдать в настоящее время. Присоединение Крыма, создание Евразийского экономического союза, повышенное внимание к развитию Дальнего Востока – это лишь некоторые шаги по пути осуществления геополитической «восстановительной» программы, связанной с курсом Президента РФ В.В. Путина. В настоящее время мы переживаем наиболее сложный и драматичный момент в реализации этого курса.

Вышеприведенная схема, в основу которой положен концепт геополитических «революций», при соответствующих уточнениях, могла бы лечь в основу периодизации истории России, достаточно точно фиксирующей фазы упадка и подъема государства.

Литература:

1. Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V–XVII вв.): учеб. пособие для студентов ист. фак-тов пед. ин-тов. М.: «Просвещение», 1973. 144 с.
2. Про А. Двенадцать уроков по истории / Пер. с фр. Ю.В. Ткаченко. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 336 с.
3. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 311 с.